

ТЕРРИТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ

СБОРНИК
В ЧЕСТЬ 70-ЛЕТИЯ
ПРОФЕССОРА
И. Н. СУХИХ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2022

УДК 882
ББК 83.3
Т35

Рецензенты:

член-корр. РАН, доктор филол. наук *М. Н. Виrolайнен*
(Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)

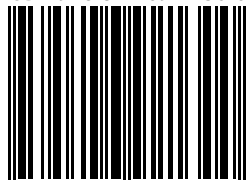
кандидат филол. наук *Е. Н. Григорьева*
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Т35 Территория словесности : Сборник в честь 70-летия профессора И. Н. Сухих / Под ред. А. Д. Степанова, А. С. Степановой. — СПб. : Нестор-История, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-4469-2130-0

Историко-филологический сборник «Территория словесности» приурочен к 70-летию выдающегося филолога, профессора Санкт-Петербургского университета Игоря Николаевича Сухих. В книгу вошли статьи о русской литературе отечественных и зарубежных ученых — коллег, друзей и учеников юбиляра. Эти материалы связаны с различными аспектами анализа художественного произведения и охватывают широкий спектр литературоведческих проблем (поэтика, интерпретация, биография, интертекстуальные и интермедиальные связи и др.), литературных направлений и писательских имен — от Пушкина до авторов XX века: Горького, Булгакова, Зощенко, Набокова, Довлатова и др. Рассматриваемые вопросы отражают научные интересы И. Н. Сухих: так, целый ряд статей посвящен Чехову, чье творчество неизменно находится в центре внимания ученого. В сборник включена библиография трудов И. Н. Сухих. Издание адресовано филологам, а также всем знатокам и любителям русской литературы.

ISBN 978-5-4469-2130-0

9 785446 921300 >

УДК 882
ББК 83.3

© Авторы статей, 2022

© Издательство «Нестор-История», 2022

**Тщательно подготовленная неожиданность
(О последней главе в романе И. А. Гончарова
«Обыкновенная история»)**

Ключевые слова: эпилог, притча, роль, воспоминание, «блудный сын», странник.

Неожиданность эпилога «Обыкновенной истории» обусловлена развитием сюжета в VI главе второй части романа. Александр Адуев не может рассматриваться как герой-идеолог. Романский сюжет позволяет увидеть, что в герое есть духовный потенциал, чтобы стать «странником», человеком, устремленным к метафизическим духовным ценностям. Автор явно стремится к тому, чтобы читательские ожидания, связанные с главным героем, не подтвердились.

Немецкий исследователь В. Дибелиус в работе 1912 года написал, что в концовке романа «мы нередко находим особенно яркий мотив, например сильную неожиданность» (Дибелиус 2007, 120–121). Ярким подтверждением этой мысли является эпилог романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история». Как известно, В. Г. Белинский оценил этот эпилог как «испорченный». Критик категорично заявил: «героя романа мы не узнаем в эпилоге» (Белинский 1982, 397, 398).

Предлагаемая работа — о VI главе второй части романа, в которой, как представляется, Гончаров явно стремится к тому, чтобы горизонт читательских ожиданий резко не совпал с итогом сюжета о главном герое.

В конце предыдущей главы Александр Адуев оказывается в сюжетно-тематической ситуации, которая имела множество литературных интерпретаций и которую традиционно обозначают как «возвращение на родину». Герой знает, как надо себя вести в эти минуты и что чувствовать: «...всячески старался настроить себя на грустный тон и наконец мысленно разрешился монологом. <...> „Прощай, великолепная гробница глубоких, сильных, нежных и теплых движений души“» (Гончаров 1997, 425). Этот эпизод, конечно, рифмуется с рассказом о том, что он почувствовал восемь лет назад, оказавшись впервые на знаменитой площади перед Медным всадником. Тогда он предпочел присоединиться к пафосной «правде» Петра, вообразил себя «гражданином нового мира». Теперь

Александрю ближе «бедный» Евгений. Если говорить о жанровых переключениях, то это переход от одического если не к идиллическому, то к близкому ему элегическому жанру.

Поведение Александра в этом эпизоде отмечено некоторой театральностью, хотя на авансцене он сам и он же в роли зрителя. Нельзя сказать, что герой только играет роль, слезы на его глазах вызваны искренним переживанием. Но это поведение, если вспомнить классификацию Г. О. Винокура, не «стиль», а «стилизация»: «Всякая, пусть малейшая рефлексия на свое поведение — есть уже непременно стилизация. Она очевидно имеет место всякий раз, когда собственное поведение становится с о б ы т и е м в личной жизни и как событие переживается» (Винокур 1997, 56). Находясь еще в «ролевом» состоянии, Адуев прочел стихотворение Пушкина «Возрождение» с его заключительной строфой:

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

После этого эпизода начинается VI глава, в которой даны два письма героя в Петербург, к Лизавете Александровне и Петру Иванычу. Их напишет уже как бы другой Александр. В этом смысл сюжета данной главы.

В исследовательской практике сюжет этого романа обычно прочитывается как развертывание диалогического конфликта. Но в этой главе есть и то, что отчасти размывает, отчасти обогащает рационалистическую конструкцию большого спора. Порой это быстрые, даже стремительные прикосновения к каким-то стихиям жизни, иногда — обретение особых смыслов, касающихся не вообще людей, а именно этого человека. Освободившись от необходимости четко следовать логике диалогического конфликта, повествование обретает большую естественность, оно как бы отражает стихийный ход самой жизни. В диалогах Александра с дядей автор не просто приводит слова того или иного героя, он подчеркнуто демонстрирует эти высказывания. Они, как отметил исследователь, несколько «плакатны»: «Два контрастных состава лексики, два разных голоса, две мелодии, идущие друг другу наперекор» (Чичерин 1977, 163).

В рассматриваемой главе речь Александра совершенно лишена этой плакатности. Нет сомнения, что именно на ее страницах герой

показан в моменты значительных душевных порывов и переживаний. Опыт самосознания раскрывается как краткие эпизоды, но это не мешает осознать их значительность. Конечно, есть основания рассматривать Александра как личность, в значительной степени сформированную патриархально-помещичьим миром. Но при чтении этих страниц становится ясно, что Александр в этом мире, где прошли его детство и юность, что-то, так сказать, недобрал, не воспринял. Вот почему возвращение в родную усадьбу оказалось столь значимым.

В VI главе особенно видно, что герой показан в «печоринском» ракурсе, его душевная и умственная жизнь, говоря словами Б. М. Эйхенбаума, «взята изнутри, как процесс» (Эйхенбаум 1961, 251).

Покинувший Петербург Александр оказался сразу вне зоны комического, обрел какую-то другую меру естественности, готовность вглядываться в жизнь и прежде всего в себя. Этапы накопления духовного опыта представлены так, словно этот процесс после возвращения в усадьбу шел с двойной скоростью.

Уезжающий из Петербурга Александр с надеждой обращается «к весям и пажитям» родины: «Примите меня в свое лоно, да оживу и воскресну душой» (Гончаров 1997, 425). Так в сюжет романа возвращается мотив притчи о блудном сыне (Чернов 1994, 152–158). Он был заявлен еще в начале повествования в связи с соседом Адуевых Антоном Иванычем, который в одной из своих ипостасей представлен как «Вечный жид», который «ел, конечно, и упитанного тельца, закланного счастливым отцом по случаю возвращения блудного сына» (Гончаров 1997, 185).

Если вслед за Ольгой Седаковой признать, что в глубине романа может лежать «нечто подобное притче», то, очевидно, следует учитывать, что в таком произведении какая-то часть может обладать «двойной реальностью, притчевой и романной» (Седакова 2010, 363, 367). Гончаров, конечно, не тот писатель, который будет резко обозначать эту «двойную реальность». Но все же.

Сюжет о блудном сыне в VI главе «Обыкновенной истории» раскрывается, так сказать, неправильно. И в этом, думается, есть особый смысл. Отца Александра уже нет в живых, а мать при появлении в комнате сына не узнает его. А узнав, увидев, как он похудел и подурнел, начинает громко причитать. Как отмечено в комментариях к роману, причитания ее «построены по схеме традиционного

народного плача по покойнику» (Гончаров 1997, 432). Сон накануне приезда сына открыл ей, что он явится «из омута <...> от водяных» и уедет «в сторону озера и больше не приедет» (Гончаров 1997, 430). То, что Анна Павловна не узнала вернувшегося из Петербурга сына, можно интерпретировать не только в бытовом плане: при всех ее расспросах сына и печаловании о нем, он так и остается неузнанным. Душевный мир Александра так и останется для нее странным и непонятным.

Евангельский подтекст VI главы напрямую не обозначается автором. И сам герой романа не интерпретирует свою ситуацию в усадьбе как возвращение блудного сына. Но его поступки и размышления этому сюжету соответствуют. И второй, не бытовой план истории явно присутствует. Его можно увидеть, в частности, в том, что Александр в Петербурге, по словам слуги Евсея, в церковь «почти можно сказать, что и не ходили» (там же, 437), но, вернувшись в родной дом, принимает предложение матери отправиться на всеобщую службу.

Романный текст не резко, но выводит читателя к сакральному смыслу притчевого сюжета: это должно быть возвращение блудного сына к Небесному Отцу. Стоя в церкви, Александр признается себе: трудно человеку его духовного опыта и вообще современному человеку сделать этот шаг. Ему становится понятна тяжесть «печоринского» состояния души, «когда теплота веры не греет сердца» (там же, 444). Как сказано, «всеночная кончилась, Александр приехал домой еще скучнее, чем поехал» (там же, 444).

Приехавшим в Грачи Александром владеет желание уединиться, вслушаться в себя, оглянуться на петербургскую жизнь, осознать, что связывает его с миром усадьбы. В переживаниях и размышлениях героя присутствуют элегические мотивы: утрата молодости, хрупкость человеческих чувств, неспособность просто душно верить в чудо.

Элегизм не характерен для произведений Гончарова. Особенно это заметно на фоне тургеневской прозы (Мовнина 1999). Но появление элегического модуса у автора романа «Обломов» может обеспечить психологический прорыв во внутренний мир «закрытого» героя. Самый яркий пример — Агафья Матвеевна в заключительной части романа «Обломов». Ретроспективное переосмысление героиней жизни с Ильей Ильичом, которого уже нет в живых, элегическое по своей сути переживание, — эти

подробности позволяют читателю понять что-то очень существенное в героине (Отрадин 2012, 166).

В первом романе Гончарова элегическое переживание, вызванное воспоминанием, дается или от первого лица, или как свидетельство повествователя, по лексике, интонации, эмоциональному строю близкое герою.

Элегический модус — возможность выявления жизненных ценностей, выпадающих из смыслового поля диалогического конфликта. Мать рассказывает Александру:

Вот эти липы <...> сажал твой отец. Я была беременная тобой. Сижу, бывало, здесь на балконе, да смотрю на него. Он поработает, поработает, да взглянет на меня. А пот так градом и льется с него. «А! Ты тут? — молвит, — то-то мне так весело работать!» — И опять примется (Гончаров 1997, 466).

Александр получил возможность как бы живую соприкоснуться с ушедшим идиллическим миром. Эта страница подтверждает давнее наблюдение: идиллическая картина мира органично сочетается с элегическим воспоминанием. Александр мысленно дополняет этот рассказ матери:

Вон на этой скамье, под деревом <...> я сиживал с Софьей и был счастлив. А вон там, между двух кустов сирени, получил от нее первый поцелуй... (там же, 466).

Переживания, связанные с юностью и молодостью, семейные воспоминания его матери погружают Александра в прошлое. Это позволяет герою понять или по-другому пережить то, что он отвергал или недооценивал в прошлом. Он, в частности, по-другому стал думать об «изменнице» Наденьке. Воспоминания позволили Александру непредвзято взглянуть на свое прошлое и потом выразить это в слове без оглядки на чей-то хотя бы и яркий пример.

Изменение внутренней ситуации героя можно расценить как ментальное событие. Можно даже сказать, что теперь «блудный сын» максимально приблизился к миру «отцов», к миру «старинь». Но только приблизился.

Александр вскоре осознает, что с этой «простой, несложной, немудреной жизнью» ему уже не совпасть. Как изнутри возникла тяга к этому миру, так же изнутри идет и отталкивание от него. Разрыв прошлого и настоящего для романного героя оказывается не-

преодолимым. Как сказано, он «уже равнодушно глядел на отцовские липы» (там же, 448).

Если остаться в этом чуждом исторической динамике мире, то человеку грозит погружение в скуку. Такое состояние души у Гончарова имеет не бытовой, а экзистенциальный смысл: это духовное омертвление, механическое, нетворческое существование. Героям гончаровских романов она грозит и в провинциальной, и в столичной жизни. Вот почему гончаровский «блудный сын» обречен на новый уход из родительского дома.

Два письма Александра в конце VI главы стилистически резко выделяются на фоне словесной партии героя в петербургской части романа. Здесь нет ни малейшего отклонения в сторону «ролевого» словесного поведения. Он пишет о себе: «не сумасброд: не мечтатель, не разочарованный, не провинциал, а просто человек» (там же, 449). Как часто у Гончарова, взгляд на пережитое, на себя с ощутимой временной дистанции, обладает особой степенью убедительности.

Александр, напряженно воспринимавший свои отношения с людьми, заблуждения и ошибки, теперь говорит о прошлом так, как будто на своем опыте убедился в правоте и мудрости пушкинских строк:

И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Говоря об Александре, только что приехавшем в Петербург, В. М. Маркович заметил: «Возможность двух противоположных точек зрения открывается в самом сознании героя» (Маркович 1982, 90).

В VI главе Адуев-младший предстает перед читателем как человек, который стремится найти способ соединить сердечную простоту усадебного мира с трезвой жизнестойкостью петербургского. Возможность примирить две жизненные философии, чтобы они сосуществовали по принципу взаимодополнительности, привлекательна тем, что подготовлена самим ходом прожитых героем лет, а не сложилась в атмосфере столкновения рассудочных аргументов. Это обуславливает оптимистическую интонацию писем Александра.

В письме Лизавете Александровне Адуев-младший называет себя «одиноким странником». Если бы Александр назвал себя

так в напряженном споре с дядей, то это могло восприниматься как еще одна цитата или претенциозная фраза. А в письме человека, пережившего погружение в свое прошлое, это самоопределение воспринимается всерьез. Слово «странник» в русской литературе середины XIX века постепенно обрастало символической многозначностью. Александр не может рассматриваться как герой-идеолог. Но романский сюжет позволяет заметить, что в герое есть духовный потенциал, чтобы стать странником, каким этот тип предстанет в русской литературе чуть позже. Странник — не романтический беглец, странник — это тот, кто сознательно выбирает странничество. Речь не о физическом передвижении в пространстве, а, так сказать, метафизическом, вертикальном восхождении. Вспомним одинокого «бездомного странника» Лаврецкого.

Отмеченное признание героя не закрывает в сюжете мотив «блудного сына», а переводит его в символический план: «странник» — имеется в виду не горизонтальное перемещение «блудного сына», а духовный путь, в конечном счете возвращение к Небесному Отцу. Вспомним, только что вернувшийся в Грачи Александр после всенощной службы был охвачен скукой. А теперь, размышляя о человеческих судьбах, о неизбежных страданиях, которые «очищают душу», он пишет, что видит в этом «руку Промысла».

Да, можно сказать, что герой Гончарова только приблизился к метафизическим проблемам, к последним тайнам. Но все-таки приблизился. У читателя нет никаких оснований видеть в этих словах героя какую-то рисовку или позу. Недаром в эпилоге романа Лизавета Александровна скажет об этом письме: «Как вы хороши были там!»

Читатель «Обыкновенной истории» знакомится с унылыми элегиями Александра. Их явное отличие — «недостаток личностного лирического начала» (Гродецкая 2021, 113). О повестях и очерках героя автор сообщает так, что не остается сомнений: как прозаик Александр абсолютно вторичен. Адуев-младший, так сказать, «отстает по фазе» от настоящего творчества, от литературного процесса. Но вот, делаясь своими переживаниями, он обретает способность по-своему, без оглядки на образцы передать свое видение мира и очень внятно рассказать о себе. Его письмо к Лизавете Александровне в какой-то мере можно сблизить с литературной

исповедью. Это взгляд на себя «прошлого», уже в какой-то мере взгляд как на «другого». Это исповедь души. В романе это наивысшая точка познания «внутреннего человека» (Е. Г. Эткинд). Автор не считает нужным уточнять или комментировать признание героя. В. М. Маркович по поводу этих писем заметил: «Слышен авторский голос и проступает авторское представление о жизни, для читателя равное истине» (Маркович 1982, 83).

Если иметь в виду духовный мир героя, то можно сказать, что в Петербург вернется совсем не тот Александр, с которым спорил и которого наставлял Петр Иваныч.

Гончаров признавался, что всю жизнь стремился изобразить в своих романах героя одного типа — «в высшей степени идеалиста» (Гончаров 1980, 318). Для автора «Обыкновенной истории» «идеалист» — это герой, романтизм которого не сводится ни к возрасту, ни к какому-то влиянию — провинции, культуры. Александр Адуев из этого ряда.

В «Теории романа», в главе «Романтизм разочарования», Дьердь Лукач писал о том, что «роман, исполненный романтического чувства к жизни, — это роман утраченных иллюзий». В таком романе представлен «тип неизбежно неадекватных отношений между душой и действительностью: душа шире, обширнее судеб, которые открывает перед ней жизнь». Такому герою жизнь «навязывает битвы, а с ними неизбежные поражения» (Лукач 1994, 57, 61).

«Мысль о всеподчиняющей силе века входит главной краской в „литературу 40-х годов“, — писал в известной работе Ю. В. Манн (Манн 1969, 256).

Эстетический эффект эпилога связан с тем, что о «превращении» героя, на которое ушло четыре года, читатель узнает «вдруг»: он только что прочитал письма Александра. Авторские интенции сформировали в читателе совсем другие ожидания: духовный путь героя выведет не к карьерным успехам и выгодной женитьбе, а к какому-то более высокому началу. Восхищенный возглас Адуева-старшего, обращенный к «блудному сыну»: «И карьера, и фортуна! <...> И какая фортуна! и вдруг! все! все! Александр <...> ты моя кровь, ты — Адуев!», — наводит на мысль, что и путь Петра Иваныча к петербургским успехам тоже начался когда-то с неизбежного компромисса, похожего на поражение (Гончаров 1997, 469).

Знание жизни, интуиция художника подсказывали автору «Обыкновенной истории», что компромиссы Адуевых были

обусловлены и внешними, и внутренними причинами. Проблемой «неадекватных отношений между душой и действительностью» он займется в следующих романах.

Литература

- Белинский 1982 — *Белинский В. Г.* Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. литература, 1976–1982. Т. 8.
- Винокур 1997 — *Винокур Г. О.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997.
- Гончаров 1980 — *Гончаров И. А.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Худож. литература, 1977–1980. Т. 8.
- Гончаров 1997 — *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1997.
- Гродецкая 2021 — *Гродецкая А. Г.* Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. СПб.: Полигра, 2021.
- Дибелиус 2007 — *Дибелиус В.* Морфология романа // Проблемы литературной формы: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Жирмунский. М.: КомКнига, 2007. С. 105–134.
- Лукач 1994 — *Лукач Д.* Теория романа // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 31–78.
- Манн 1969 — *Манн Ю. В.* Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М.: Наука. 1969. С. 241–305.
- Маркович 1982 — *Маркович В. М.* И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л.: ЛГУ, 1982.
- Мовнина 1999 — *Мовнина Н. С.* О «топосе» воспоминания в повестях И. С. Тургенева 1850-х годов // *Studia Slavica. Hung.* 1999. № 44. С. 305–314.
- Отрадин 2012 — *Отрадин М. В.* «На пороге как бы двойного бытия...» О творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2012.
- Седакова 2010 — *Седакова О.* Poetica. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010.
- Чернов 1994 — *Чернов А. В.* Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 152–158.
- Чичерин 1977 — *Чичерин А. В.* Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. М.: Худож. литература, 1977.
- Эйхенбаум 1961 — *Эйхенбаум Б. М.* Статьи о Лермонтове. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

M. Otradin

**Thoroughly Prepared Suddenness
(About the Last Chapter in “An Ordinary Story”
by Ivan Goncharov)**

Keywords: epilogue, parable, role, memory, “prodigal son”, wanderer.

The author argues that unexpectedness of epilogue in “An Ordinary Story” is due to the development of the plot in the 6th chapter of the second part of the novel. Aleksandr Aduiev cannot be regarded as a ideologist hero. The novel plot allows to see that the character has spiritual potential to become a “wanderer”, a person aspiring to metaphysical spiritual values. The author is clearly trying to ensure that the readers expectations associated with the main character are not confirmed.

Содержание

Территория словесности: научное творчество Игоря Николаевича Сухих. <i>А. Д. Степанов</i>	3
--	---

ПОЭТИКА

<i>Александр Жолковский</i> . «Текст в тексте»: авторы и читатели среди персонажей.....	8
<i>Александр Карпов</i> . «...Лучшее, что есть в мире, — это мечта». (О «волшебной сказке» И. В. Киреевского «Опал»)	32
<i>Михаил Отрадин</i> . Тщательно подготовленная неожиданность (О последней главе в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история»)	42
<i>Николай Капустин</i> . О своеобразии идиллических мотивов в рассказе Чехова «Душечка»	52
<i>Анатолий Собенников</i> . Философия времени в драматургии А. П. Чехова: «Чайка»	62
<i>Ольга Спачиль</i> . Повторы в рассказе А. П. Чехова «Страх» в оригинале и переводе.....	72
<i>Николай Карпов</i> . К интерпретации стихотворения В. Набокова «Какое сделал я дурное дело...»	81

БИОГРАФИКА

<i>Ольга Астафьева</i> . К контекстуальной семантике стихотворения А. С. Пушкина «Клеопатра»	93
<i>Виктор Файбисович</i> . Литературный источник одной клеветы: Пушкин и Толстой-Американец.....	108
<i>Владимир Катаев</i> . Чехов и Книппер перед судом «разоблачителей»	119
<i>Андрей Степанов</i> . Чехов и интеллигенция: заметки к теме	128
<i>Алла Головачёва</i> . Загадки книги «с хорошей надписью»: «Дьяволиада» М. А. Булгакова в чеховском доме	137

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ, ИНТЕРТЕКСТ

<i>Алла Степанова</i> . Станционный смотритель — многоликий герой русской прозы.....	150
<i>Людмила Димитров</i> . Дорога ко дну: Траектории русской драматургии XIX века	166
<i>Евгений Пономарев</i> . Иван Бунин и Лев Шестов: точки пересечения.....	175
<i>Андрей Аствацатуров</i> . «Случай на мосту через Совиный ручей» Амброза Бирса и «Совершенство» Владимира Набокова.....	189
<i>Валерий Тюпа</i> . Нарративный палимпсест	209
<i>Елена Петухова</i> . Чеховский след в деревенской прозе XX века	220

<i>Юрий Доманский</i> . К вопросу о чеховских заглавиях в современном мире: альбом «Одинокому везде пустыня» рок-группы «Звери»	229
---	-----

ПРОБЛЕМЫ И ГИПОТЕЗЫ

<i>Сергей Кибальник</i> . К вопросу о криптопоэтике чеховских «Трех сестер»	241
<i>Радислав Лапушин</i> . Фаталист Чехов	251
<i>Наталья Няголова</i> . Концепт «Юг» в творчестве Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова. (Предварительные замечания)	261
<i>Лия Бушканец</i> , А. П. Чехов и В. А. Слепцов: опыт литературоведческого расследования	276
<i>Наталья Иванова</i> . Чехов и Ожешко: к постановке проблемы	289
<i>Марина Ларионова</i> . Традиционная культура в произведениях А. П. Чехова	298
<i>Алексей Семкин</i> . «Ни одного врача не убил»: медицинские работники в творчестве М. Зощенко	310

ТЕАТР И КИНО

<i>Галина Коваленко</i> . Новый театральный текст: демократия или анархия?	319
<i>Лийса Бюклинг</i> . «Театр Антона и Михаила Чеховых» — уникальное явление литературного театра XX века	328
<i>Елена Стрельцова</i> . Камерный театр и акмеизм	339
<i>Анна Ковалова</i> . А. П. Чехов и дореволюционное кино: об экранизации рассказа «В море»	354

ЗАМЕТКИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

<i>Федор Двинятин</i> . «На святой Руси петухи поют...»: к происхождению и ранней эволюции контекста	364
<i>Павел Глушаков</i> . Образ и сюжет: комментарии и этюды	371
<i>Владимир Звиняцковский</i> . Заповедник симулякров, или Реальный комментарий	386
<i>Калле Каспер</i> . Несколько слов о «Жизни Клима Самгина»	396
<i>Александр Мелихов</i> . Мы должны любить ложь	399
Библиография трудов Игоря Николаевича Сухих	406
Сведения об авторах	441